
Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи приبلудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
... Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять –
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно, самозабвенно.

Где ж королевич мой, мой Елисей?
Что ж он никак не вернётся из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

Овладев античным гекзамэтром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где всюю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
Всех житейских и душевных драм,
Еле уловимая усмешка
Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
Ранюю запёкшегося рта
Так, как будто мне опять семнадцать
И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издёвкой,
На меня глядит со всех сторон
Петербург – от Лиговки до Ржевки –
Что похож на обморочный сон.

Презирая суетные контры,
Он летит гекзаметром в зенит!..
Он меня, конечно, пересмотрит,
Только всё же не переглядит.

Эх, не ето, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И – привычное, право, занятие! –
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, незваного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну нисколько не верится мне
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево –
Приюти дураков до утра!

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с мёдом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом, и редька с квасом,
И с хреновиной редька – ах!
... Пьёт шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку,
Недоделанный супермен,
Ободравший страну, как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду – не позабуду
Голливудский его оскал...
Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни – я всё сказал!